

Лев Николаевич Толстой

Два старика

Иоан. IV,

19. Женщина говорит ему: Господи! вижу, что Ты пророк.

20. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме.

21. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу.

22. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев.

23. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет себе.

I

Собрались два старика Богу молиться в старый Иерусалим. Один был богатый мужик, звали его Ефим Тарасыч Шевелев. Другой был небогатый человек Елисей Бодров.

Ефим был мужик степенный, водки не пил, табаку не курил и не нюхал, черным словом весь век не ругался, и человек был строгий и твердый. Два срока проходил Ефим Тарасыч в старостах и высадился без начета. Семья у него была большая: два сына и внук женатый, и все жили вместе. Из себя он был мужик здоровый, бородастый и прямой, и на седьмом десятке только стала седина в бороде пробивать. Елисей был старичок ни богатый, ни бедный, хаживал прежде по плотничной работе, а под старость стал дома жить и водил пчел. Один сын в добычу ходил, другой — дома. Человек был Елисей добродушный и веселый. Пивал и водку, и табак нюхал, и любил песни петь, но человек был смирный, с домашними и с соседями жил дружно. Из себя Елисей был мужичок невысокий, черноватенький, с курчавой бородкой и, по своему святому — Елисею-пророку, с лысиной во всю голову.

Давно пообещались старики и сговорились вместе идти, да все Тарасычу недосуг было: не перемежались у него дела. Только одно кончается, другое затевается: то внука женит, то из солдатства сына меньшого поджидает, а то избу затеял новую класть.

Сошлись раз старики праздником, сели на бревнах.

— Что ж, — говорит Елисей, — когда оброк отбывать пойдем?

Поморщился Ефим.

— Да погодить, — говорит, — надо, год нынче мне трудный вышел. Затеял я эту избу класть, думал, что-нибудь на сотню накинута, а она уж в третью лезет. И то все не довел. Видно, уж до лета. На лето, коли Бог даст, непременно пойдем.

— На мой разум, — говорит Елисей, — откладывать нечего, идти надо нынче. Самое время — весна.

— Время-то время, да дело расчато, как его бросить?

- Разве у тебя некому? Сын дела поделает.
- Как поделает-то! Большак-то у меня не надежен – зашибает.
- Помрем, кум, будут жить и без нас. Надо и сыну поучиться.
- Так-то так, да все хочется при своем глазе дело свершить.

– Эх, милый человек! Дел всех никогда не перевершишь. Вот намердись у меня бабы к празднику моют, убираются. И то надо и другое, всех дел не захватят. Старшая сноха, баба умная, и говорит: “Спасибо, говорит, праздник приходит, нас не дожидается, а то, говорит, сколько б ни делали, всего бы не переделали”.

Задумался Тарасыч.

– Денег, – говорит, – много извел я в эту постройку; а в поход тоже не с пустыми руками идти. Деньги немалые – 100 рублей.

Засмеялся Елисей.

– Не грехи, – говорит, – кум. Твой достаток против моего в десять раз, а ты про деньги толкуешь. Только скажи, когда выходить – у меня и нет, да будут.

Ухмыльнулся и Тарасыч.

– Вишь, богач какой объявился, – говорит, – где же возьмешь-то?

– Да дома поскребу – наберу сколько-нибудь; а чего не хватит – ульев с десяток с выставки соседу отдам. Давно уж просит.

– Роевщина хорошая будет, тужить будешь.

– Тужить?! Нет, кум! В жизнь ни о чем, кроме о грехах, не тужил. Дороже души ничего нет.

– Оно так, да все неладно, как по дому неуправка.

– А как у нас по душе-то неуправка будет, тогда хуже. А обрелись – пойдем! Право, пойдем.

II

И уговорил Елисей товарища. Подумал, подумал Ефим, наутро приходит к Елисею.

– Что ж, пойдем, – говорит, – правду ты говоришь. В смерти да в животе Бог волен. Пока живы да силы есть, идти надо.

Через недельку собрались старики.

У Тарасыча были деньги дома. Взял он себе 100 рублей на дорогу, 200 рублей старухе оставил.

Собрался и Елисей; продал соседу 10 ульев с выставки, и приплод, сколько будет от 10 колодок, тоже соседу. Взял за все 70 рублей. Остальные 30 рублей по дому под метелочку у всех обобрал. Старуха свои последние отдала, на похоронки берегла; сноха свои дала.

Приказал Ефим Тарасыч все дела старшему сыну: и где сколько покосов взять, и куда навоз вывезти, и как избу выделать и покрыть. Всякое дело обдумал — все приказал. А Елисей только наказал старухе, чтоб от проданных ульев молодых особо сажать и соседу без обмана отдать, а про домашние дела и говорить не стал: само дело, мол, покажет, что и как делать надо. Сами хозяева, для себя сделаете, как лучше.

Собрались старики. Напекли домашних лепешек, пошили сумки, отрезали онуч новых, обули бахилки новые, взяли запасных лаптей и пошли. Проводили домашние их за околицу, распрощались, и пошли старики в путь-дорогу.

Вышел Елисей с веселым духом и как отошел от деревни, так все дела свои забыл. Только и думки у него, как бы дорогой товарищу угодить, как бы кому грубого слова не сказать, как бы в мире и любви до места дойти и домой вернуться. Идет Елисей дорогой и все сам про себя либо молитву шепчет, либо жития, какие знает, на память твердит. А сойдется на пути с человеком или на ночлег придет, со всяким норовит как бы поласковее обойтись да по-божьи слово сказать. Идет — радуется. Одного дела не мог сделать Елисей. Хотел бросить табак нюхать и тавлинку дома оставил, да скучно стало. Дорогой дал ему человек. И нет-нет, отстанет от товарища, чтоб его в грех не вводить, и понюхает.

Идет и Ефим Тарасыч хорошо, твердо, худого не делает и пустого не говорит, да нет у него легости на душе. Не выходит у него из головы забота про домашнее. Все поминает, что дома делается. Не забыл ли чего сыну приказать и так ли сын делает? Увидит по дороге — картофель сядят или навоз везут, и думает: так ли по приказу его сын делает. Так бы, кажется, вернулся и все бы показал и сам сделал.

III

Шли пять недель старики, домашние лапти избили, уж новые покупать стали и пришли в хохлатчину. От дома шли, за ночлег и за обед платили, а пришли к хохлам, стали их наперебой к себе люди зазывать. И пустят, и покормят, и денег не берут, а еще на дорогу в сумки им хлеба, а то и лепешек накладывают. Прошли так вольно старики сот семь; прошли еще губернию и пришли в неурожайное место. Пускать пускали и денег за ночлег не брали, а кормить перестали. И хлеба не везде давали, другой раз и за деньги не добьются. Прошлый год, рассказывал народ, не родилось ничего. Которые богаты были, разорились, все распродали; которые средственно жили — на нет сошли; а бедняки — так или уехали совсем, или по миру ходят, или дома кое-как перебиваются. Зимой мякину или лебеду ели.

Ночевали раз старики в местечке, купили хлеба фунтов 15, переночевали и вышли до зорьки, чтоб подальше до жару уйти. Прошли верст 10 и дошли до речки, сели, зачерпнули воды в чашку, помочили хлебца, поели и переобулись. Посидели, отдохнули. Достал Елисей рожок. Покачал на него головой Ефим Тарасыч.

— Как, — говорит, — такую пакость не бросить!

Махнул рукой Елисей.

– Пересилил, – говорит, – меня грех, что сделаешь!

Поднялись, пошли дальше. Прошли еще верст десяток. Пришли в большое село, прошли все насквозь. И уж жарко стало. Уморился Елисей, захотелось ему и отдохнуть и напиться, да не останавливается Тарасыч. Тарасыч в ходьбе крепче был, и трудненько было Елисею за ним тянуться.

– Напиться бы, – говорит.

– Что ж, напейся. Я не хочу.

Остановился Елисей.

– Ты, – говорит, – не жди, я только забегу вон в хатку, напьюсь. Живой рукой догоню.

– Ладно, – говорит. И пошел Ефим Тарасыч один вперед по дороге, а Елисей повернул к хатке.

Подошел Елисей к хатке. Хатка небольшая, мазаная; низ черный, верх белый, да облупилась уж глина, давно, видно, не мазана, и крыша с одного бока раскрыта. Ход в хатку со двора. Вошел Елисей на двор; видит – у завалинки человек лежит безбородый, худой, рубаха в портки – по-хохлацки. Человек, видно, лег в холодок, да солнце вышло прямо на него. А он лежит и не спит. Окликнул его Елисей, спросил напиться – не отозвался человек. “Либо хворый, либо неласковый”, – подумал Елисей и подошел к двери. Слышит – в хате дитя плачет. Постучал Елисей кольцом. “Хозяева!” Не откликаются. Постучал еще посошком в дверь. “Крещеные!” Не шевелятся. “Рабы Божии!” Не отзываются. Хотел Елисей уж и прочь идти, да слышит – из-за двери ровно охает кто-то. “Уж не беда ли какая-нибудь с людьми? Поглядеть надо!” И пошел Елисей в хату.

IV

Повернул Елисей кольцо – не заперто. Отложил дверь, прошел через сенцы. Дверь в хату отперта. Налево печь; прямо передний угол; в углу божница, стол; за столом – лавка; на лавке в одной рубахе старуха простоволосая сидит, голову на стол положила, а подле ней мальчишка худой, как восковой весь, а брюхо толстое, старуху за рукав дергает, а сам ревмя ревет, чего-то просит. Вошел Елисей в хату. В хате дух тяжелый. Смотрит – за печью на кровати женщина лежит. Лежит ничком и не глядит, только хрипит и ногу то вытянет, то подтянет. И швыряет ее с боку на бок, и от нее-то дух тяжкий, – видно, под себя ходит и убрать ее некому. Подняла голову старуха, увидела человека.

– Чего, – говорит, – тобі треба? чого треба? Нема, чоловіче, нічого.

Понял Елисей, что она говорит, подошел к ней.

– Я, – говорит, – раба Божия, напиться зашел.

– Нема, кажу, нема. Нема чего и взяти. Іди собі.

Стал Елисей спрашивать: “Что ж, и здорового у вас али никого нет женщину убрать?”

— Та нема нікого; чоловік на дворі помира, а ми туточки.

Замолчал было мальчик — чужого увидал, да как заговорила старуха, опять ухватил ее за рукав: “Хліба, бабусю! хліба”, — и опять заплакал.

Только хотел спросить Елисей старуху, ввалился мужик в хату, прошел по стенке и хотел на лавку сесть, да не дошел и повалился в угол у порога. И не стал подыматься, стал говорить. По одному слову отрывает, скажет — отдышится, другое скажет.

— І болість, — говорит, — напала, голодні. Ось з голоду помирають! — показал мужик головой на мальчика и заплакал.

Встряхнул Елисей сумку за плечами, выпростал руки, скинул сумку наземь, потом поднял на лавку и стал развязывать. Развязал, достал хлеб, ножик, отрезал ломоть, подал мужику. Не взял мужик, а показал на мальчика и на девочку, — им, мол, дай. Подал Елисей мальчику. Почуял мальчик хлеб, потянулся, ухватил ломоть обеими ручонками, с носом в ломоть ушел. Вылезла из-за печки еще девочка, уставилась на хлеб. Подал и ей Елисей.

Отрезал еще кусок и старухе дал. Взяла и старуха, стала жевать.

— Воды бы, — говорит, — принести, уста запеклись. Хотела, — говорит, — я — вчера ли, сегодня, уж и не помню — принести, упала, не дошла, и ведро там осталось, коли не взял кто.

Спросил Елисей, где колодезь у них. Растолковала старуха. Пошел Елисей, нашел ведро, принес воды, напоил людей. Поели ребята еще хлеба с водой, и старуха поела, а мужик не стал есть. “Не принимает, говорит, душа”. Баба — та вовсе не поднималась и в себя не приходила, только металась на кровати. Пошел Елисей на село в лавку, купил пшена, соли, муки, масла. Разыскал топоришко, нарубил дров, стал печку топить. Стала ему девочка помогать. Сварил Елисей похлебку и кашу, накормил людей.

V

Поел мужик немножко, и старуха поела, а девочка с малышом и чашку всю вылизали и завалились обнявсь спать.

Стали мужик с старухой, рассказывать, как все это с ними случилось.

— Жили мы, — говорят, — и допрежь того небогато, а тут не родилось ничего, стали с осени проедать, что было. Проели все — стали у соседей и добрых людей просить. Сперва давали, а потом отказывать стали. Которые бы и рады дать, да нечего. Да и просить-то совестно стало: всем должны — и деньгами, и мукой, и хлебом. Искал, — говорит мужик, — я себе работы — работы нет. Народ везде из-за корму в работу набивается. День поработаешь, да два так ходишь — работы ищешь. Стали старуха с девчонкой ходить в даль побираться. Подаяние плохое, ни у кого хлеба нет. Все-таки кормились кое-как, думали — пробьемся так до новины. Да с весны совсем подавать перестали, а тут и болезнь напала. Пришло совсем плохо. День едим, а два нет. Стали

траву есть. Да с травы ли, али так, напала на бабу болезнь. Слегла баба, и у меня, — говорит мужик, — силы нет. И поправиться не с чего.

— Одна я, — говорит старуха, — билась, да из сил выбилась без еды и ослабла. Ослабла и девчонка, да и заробела. Посылали ее к соседям — не пошла. Забилась в угол и нейдет. Заходила соседка позавчера, да увидала, что голодные да больные, повернулась, да и ушла. У ней у самой муж ушел, а малых детей кормить нечем. Так вот и лежали — смерти ждали.

Отслушал их речи Елисей, да и раздумал в тот же день идти догонять товарища и заночевал тут. Наутро встал Елисей, взялся по дому за работу, как будто сам он и хозяин. Замесил с старухой хлеба, истопил печку. Пошел с девчонкой по соседям добывать, что нужно. Чего ни хватится — ничего нет, все проедено: ни по хозяйству, ни из одежды. И стал Елисей припасать то, что нужно: что сам сделает, а что купит. Пробыл так Елисей один день, пробыл другой, пробыл и третий. Справился малышок, ходить стал по лавке, к Елисею ластится. А девочка совсем повеселела, во всех делах помогает. Все за Елисеем бегают: “Діду! дідусю!” Поднялась и старуха, к соседочке прошла. Стал и мужик по стенке ходить. Лежала только баба, да и та на третий день очнулась и стала есть просить. “Ну, — думает Елисей, — не чаял я столько времени прогулять, теперь пойду”.

VI

На четвертый день подошли розговены, и думает Елисей: “Дай уж разговеюсь с людьми, куплю им кое-чего для праздника, а на вечер и пойду”. Пошел Елисей опять на село, купил молока, муки белой, сала. Наварили, напекли они с старухой, а наутро сходил Елисей к обедне, пришел, разговелся с людьми. Встала в этот день и баба, стала бродить. А мужик побрился, чистую рубаху надел — старуха выстирала, — пошел на село к богатому мужику милости просить. Заложены были богатому мужику и покос и пашня, — так пошел просить, не отдаст ли покоса и пашни до новины. Вернулся к вечеру хозяин скучный и заплакал. Не помиловал богатый мужик, говорит: “Принеси деньги”.

Задумался опять Елисей. “Как им, — думает, — теперь жить? Люди косить пойдут, им нечего: покос заложен. Поспеет рожь — люди убирать примутся (да и родилась же она хорошо, матушка!), а им и приждать нечего: продана у них десятина ихняя богатому мужику. Уйду я, они опять так же собьются”. И разбился Елисей мыслями и не пошел с вечера — отложил до утра. Пошел спать на двор. Помолился, лег и не может заснуть: и идти-то надо — уж и так и денег и времени много провел, и людей жалко. “Всех, видно, не оделишь. Хотел им водицы принести да хлебца по ломтю подать, а она, вишь, кудахватила. Теперь уж — покос да пашню выкупи. А пашню выкупи, — корову ребятам купи да лошадь мужику снопы возить. Видно, запутлялся ты, брат Елисей Кузьмич. Разъякорился, и толков не найдешь!” Поднялся Елисей, взял кафтан из-под головы, развернул, достал рожок, понюхал, думал мысли прочистить, ан нет: думал, думал, ничего не придумал. И идти надо, и людей жалко. А как быть, не знает. Свернул кафтан под голову и опять лег. Лежал, лежал, уж и петухи пропели, совсем засыпать стал. Вдруг ровно разбудил его кто. Видит он, будто одет он совсем, и с сумкой и с посохом, и надо ему в ворота пройти, а отложены ворота, только чтоб пролезть одному. И идет он в ворота и зацепил с одной стороны сумкой; хотел отцепить, зацепился с другой стороны онучей, и онуча развязалась. Стал отцеплять, ан зацепился не за плетень, а это девчонка держат, кричит: “Діду, дідуся, хліба!” Поглядел на ногу, а за онучу малышок держит, из окна старуха и мужик глядят. Проснулся Елисей, заговорил с собой в голос. “Выкуплю, — говорит, — завтра пашню и покос, и лошадь куплю и муки до новины, и корову ребятам

куплю. А то дойдешь за морем Христа искать, а в самом себе потеряешь. Надо справить людей!” И заснул Елисей до утра. Проснулся Елисей рано. Пошел к богатому мужику — рожь выкупил, отдал деньги и за покос. Купил косу, — и та продана была, — принес домой. Послал мужика косить, а сам пошел по мужикам: отыскал у кабачника продажную лошадь с телегой. Сторговался, купил, купил и муки мешок, на телегу положил и пошел корову покупать. Идет Елисей и нагоняет двух хохлушек. Идут бабы, промеж себя балакают. И слышит Елисей, что говорят бабы по-своему, а разбирает, что про него говорят.

— Бач, оце його значала не пізнали, така думка: простий чоловік. Зайшов, кажуть, напиться, та і там і зажив. Чого, чого не накупав він ім. Сама бачила, як свого дні у шинкаря коняку з возом купив. Ні мабуть таки э люди на світі. Треба піти подивиться.

Услыхал это Елисей, понял, что его хвалят, и не пошел корову покупать. Вернулся к кабачнику, отдал деньги за лошадь. Запряг и поехал с мукой к хате. Подъехал к воротам, остановился и слез с телеги. Увидали хозяева лошадь — подивились. И думается им, что для них он лошадь купил, да не смеют сказать. Вышел хозяин, отворил ворота.

— Откуда, — говорит, — конь у тебя, дедушка?

— А купил, — говорит. — Дешево попалась. Накоси, мол, в ящик травки ей на ночь положить. Да и мешок сними.

Отпряг хозяин лошадь, снес мешок в амбар, накосил беремья травы, положил в ящик. Легли спать. Елисей лег на улице и туда с вечера свою сумку вынес. Заснул весь народ. Поднялся Елисей, увязал сумку, обулся, одел кафтан и пошел в путь за Ефимом.

VII

Отошел Елисей верст 5. Стало светать. Сел он под дерево, развязал сумку, стал считать. Сосчитал, осталась денег 17 р. 20 копеек. “Ну, — думает, — с этим за море не переедешь! А Христовым именем собирать — как бы греха больше не было. Кум Ефим и один дойдет, за меня свечку поставит. А на мне, видно, оброк до смерти останется. Спасибо, хозяин милостивый — потерпит”.

Поднялся Елисей, встряхнул сумой за плечами и пошел назад. Только село то обошел кругом, чтоб его люди не видали. И домой скоро дошел Елисей. Туда шел — трудно казалось, через силу другой раз тянулся за Ефимом; а назад пошел, так ему Бог дал, что идет и устал не знает. Идет играючи, посошком помахивает, по 70 верст в день уходит.

Пришел Елисей домой. Уж с поля убрались. Обрадовались домашние своему старику, стали расспрашивать: как и что, отчего от товарища отстал, отчего не дошел, домой вернулся? Не стал рассказывать Елисей.

— Да не привел, — говорит, — бог; растерял дорогой деньги и отстал от товарища. Так и не пошел. Простите ради Христа.

И отдал старухе остальные деньги. Расспросил Елисей про домашние дела: все хорошо, все дела переделали, упущенья в хозяйстве нет, и живут все в мире и согласии.

Услыхали тем же днем и Ефимовы, что вернулся Елисей, пришли спрашивать про своего старика. И им то же сказал Елисей.

— Ваш, — говорит, — старик здорово пошел, разошлись мы, — говорит, — за три дня до Петрова дни; хотел я было догонять, да тут такие дела подошли: растерял я деньги и не с чем стало идти, так и вернулся.

Подивился варод: как так человек умный да так глупо сделал, — пошел и не дошел, только деньги провел? Подивились и забыли. И Елисей забыл. Взятся за работу по дому: заготовил с сыном дров на зиму, обмолотил с бабами хлеб, прикрыл сараи, убрал пчел, отдал 10 колодок пчел с приплодом соседу. Хотела его старуха утаить, сколько от проданных колодок отроилось, да Елисей сам знал, какие холостые, какие роились, и соседу вместо десяти семнадцать отдал. Убрался Елисей, услал сына на заработки, а сам засел на зиму лапти плести и колодки долбить.

VIII

Весь тот день, как остался Елисей в хате у больных людей, ждал Ефим товарища. Отошел он недалеко и сел. Ждал, ждал, соснул, проснулся, еще посидел — нет товарища. Все глаза проглядел. Уж солнце за дерево зашло, — нет Елисея. “Уж не прошел ли, — думает, — мимо меня, или не проехал ли (подвез кто), не приметил меня, пока я спал. Да нельзя же не видать ему. В степи далеко видно. Пойти назад, — думает, — а он вперед уйдет. Расстрянемся с ним, еще того хуже. Пойду вперед, на ночлеге сойдемся”. Пришел в деревню, попросил десятского, чтобы, если придет такой старичок, отвести его в ту же хату. Не пришел на ночлег Елисей. Пошел дальше Ефим, спрашивал всех: не видали ли старичка лысенького? Никто не видал. Подивился Ефим и пошел один. “Сойдемся, — думает, — где-нибудь в Одессе и на корабле”, — и перестал думать.

Сошелся дорогой с странником. Странник в скуфье, в подряснике и с длинными волосами, был и на Афоне и в другой раз идет в Иерусалим. Сошлись на ночлеге, разговорились и пошли вместе.

Дошли до Одессы хорошо. Трое суток прождали корабля. Богомольцев много дождалось. Были с разных сторон. Опять порасспросил Ефим про Елисея — никто не видал. Выправил Ефим билет заграничный — 5 рублей стало. Отдал 40 целковых за проезд туда и обратно, закупил хлеба, селедок на дорогу. Погрузили корабль, перевезли богомольцев, сел и Тарасыч с странником. Подняли якоря, отчалили, поплыли морем. День хорошо плыли; к вечеру поднялся ветер, пошел дождь, стало качать и корабль заливать. Взметался народ, стали бабы голосить, и из мужчин, которые послабее, стали по кораблю бегать, места искать. Нашел и на Ефима страх, только виду не показал: как где сел с прихода на полу, рядом с тамбовскими стариками, так и сидел всю ночь и день другой весь; только свои сумки держали и ничего не говорили. Затихло на третий день. На пятый день пристали к Царьграду. Которые странники высаживались на берег, ходили смотреть храм Софии-Премудрости, где теперь турки владеют; Тарасыч не высаживался, на корабле просидел. Только булки белой купил. Простояли сутки, опять поплыли морем. Останавливались еще у Смирны-города, у другого города Александрии и доплыли благополучно до Яфы-города. В Яфе высадка всем богомольцам: 70 верст пешеходу до Иерусалима. Тоже при высадке набрался страху народ: корабль высокий и с корабля вниз на лодки народ кидают, а лодку качает, того и гляди, не угодит в лодку, а мимо; человек двух замочило, а высадились все благополучно. Высадились, пошли пеши; на третий день к обеду дошли до Иерусалима. Стали за городом, на Русском подворье,

билеты прописали, пообедали, пошли с странником по святыням. К самому гробу господню еще впуску не было. Пошли в патриарший монастырь, собрали туда всех поклонников, посадили женский пол и мужской пол особо. Велели разуться и сесть кругом. Вышел монах с полотенцем и стал всем ноги умыть; умоет, утрет и поцелует, и так всех обошел. Ефиму ноги обтер и поцеловал. Отстояли вечерню, заутреню, помолились, свечи поставили и подали поминанья за родителей. Тут и покормили и вино подносили. Наутро пошли в келью Марии Египетской, где она спасалась. Поставили свечи, молебен отслужили. Оттуда в Авраамов монастырь ходили. Видели Савеков сад — место, где Авраам сына заколоть хотел Богу. Потом ходили на то место, где Христос явился Марии Магдалине, и в церковь Якова, брата Господня. Все места показывал странник и везде сказывал, сколько где денег подавать надо. К обеду вернулись на подворье, поели. И только стали укладываться спать, взмахался странник, стал свою одежду перебирать — шарить.

— Вытащили, — говорит, — у меня портмонет с деньгами, двадцать три рубля, — говорит, — было: две десятирублевые и три мелочью.

Потужил, потужил странник, делать нечего — легли спать.

IX

Лег Ефим спать, и напало на него искушение. “Не вытаскивали, — думает, — у странника денег; у него, думается, их не было. Нигде он не подавал. Мне приказывал подавать, а сам не давал, да и у меня рубль взял”.

Подумает так Ефим и начнет сам себя укорять: “Что, — говорит, — мне человека судить, грешу я. Не стану думать”. Только забудется, опять станет поминать, как странник на деньги приметлив и как он непохоже говорит, что у него портмонет вытащили. “И не было, — думает, — у него денег. Один отвод”.

Наутро встали и пошли к ранней обедне в большой храм Воскресенья — к гробу господню. Не отстает странник от Ефима, с ним вместе идет.

Пришли к храму. Народу — странников-богомольцев, и русских, и всяких народов, и греков, и армян, и турок, и сирияи — собралось много. Пришел Ефим в Святые ворота с народом. Повел их монах. Провел их мимо стражи турецкой к тому месту, где снят с креста спаситель и помазан и где 9 подсвечников больших горят. Все показывал и рассказывал. Поставил там свечку Ефим. Потом повели монахи Ефима на правую руку вверх по ступенькам на Голгофу, на то место, где крест стоял; там помолился Ефим. Потом показали Ефиму скважину, где земля до преисподней проселась; потом показывали то место, где прибывали руки и ноги Христа к кресту гвоздями; потом показали гроб Адама, где кровь Христа лилась на кости его. Потом пришли к камню, где сидел Христос, когда надевали на него терновый венец; потом — к столбу, к которому привязывали Христа, когда били его. Потом видел Ефим камень с двумя дырами для ног Христа. Хотели еще что-то показать, да заторопился народ: заспешили все к самой пещере гроба господня. Отошла там чужая, началась православная обедня. Пошел Ефим с народом к пещере. Хотел он отбиться от странника — все в мыслях грешит он на странника, — да не отстает от него странник, с ним вместе и к обедне ко гробу господню пошел. Хотели они поближе стать, не успели. Стеснился народ так, что ни вперед, ни назад продора нет. Стоит Ефим, смотрит вперед, молится, а нет-нет и ощупает, тут ли кошель. Двоится у него в мыслях: первое думает — обманывает его странник; второе думает — коли не обманул, а вправду вытащили, так как бы и со мной того же не было.

Х

Стоит так Ефим, молится и смотрит вперед, в часовню, где самый гроб и над гробом 36 лампад горят. Стоит Ефим, через головы смотрит, что за чудо! Под самыми лампадами, где благодатный огонь горит, впереди всех, видит, стоит старичок в кафтане сермяжном, блестит лысина во всю голову, как у Елисея Бодрова. “Похож, — думает, — на Елисея. Да нельзя же ему быть! Нельзя ему прежде меня поспеть. Корабль до нас за неделю отходил. Нельзя ему было упредить. А на нашем корабле не было. Я всех богомольцев видел”.

Только подумал так Ефим, стал молиться старичок и поклонился три раза: раз наперед богу, а потом миру православному на обе стороны. И как повернул голову старичок на правую сторону, так и признал его Ефим. Самый он, Бодров, и есть — и борода черноватая, курчавая, и проседь на щеках, и брови, и глаза, и нос, и все обличье его. Самый он, Елисей Бодров.

Обрадовался Ефим, что товарища нашел, и подивился, как так Елисей наперед его поспел.

— Ай да Бодров, — думает, — куда наперед пролез! Видно, с человеком таким сошелся, что провел его. Дай на выходе найду его, своего странника в скуфье брошу и с ним стану ходить, авось и он меня проведет наперед.

И все смотрел Ефим, как бы не упустить ему Елисея. Да отошли обедни, зашатался народ, пошли прикладываться, затеснились, отдавили в сторону Ефима. Опять напал на него страх, как бы, думает, кошель не вытащили? Прижал рукой кошель Ефим и стал продираться, только бы на простор выбраться. Выбрался на простор, ходил-ходил, искал-искал Елисея тут и в храме. Тут же в храме по кельям всякого народа много видел: которые тут же и едят, и пьют вино, и спят, и читают. И нет нигде Елисея. Вернулся Ефим на подворье, — не нашел товарища. В этот вечер странник не приходил. Пропал, и рубля не отдал. Остался Ефим один.

На другой день пошел опять Ефим к гробу Господню с тамбовским стариком, на корабле с ним ехал. Хотел пролезть наперед, да опять отдавили его, и стал он у столба и молится. Поглядел наперед, — опять под лампадами у самого гроба Господня на переднем месте стоит Елисей, руки развел, как священник у алтаря, и блестит лысина во всю голову, “Ну, — думает Ефим, — теперь уж не упущу его”. Полез продираться наперед. Продрался — нет Елисея. Видно, ушел. И на третий день опять у гроба Господня смотрит — в самом святом месте стоит Елисей на самом на виду, руки развел и глядит кверху, точно видит что над собой. И светится его лысина во всю голову. “Ну, — думает Ефим, — теперь уж не упущу его, пойду к выходу стану. Там уж не разминемся”. Вышел Ефим, стоял-стоял, полден простоял: весь народ прошел — нет Елисея.

Пробыл шесть недель Ефим в Иерусалиме и побывал везде: и в Вифлееме, и в Вифании, и на Иордане, и на новую рубаху печать у гроба Господня наложил, чтобы похорониться в ней, и воды из Иордана в склянку взял, и земли и свечей с благодатным огнем взял, и в восьми местах поминанья записал, извел все деньги, только бы домой идти. И пошел Ефим назад к дому. Дошел до Яфы, сел на корабль, приплыл в Одессу и пошел пешеходом домой.

XI

Едет Ефим один тем же путем. Стал к дому приближаться, одеть напала на него забота, как без него дома живут. “В год, — думает, — воды много утечет. Дом целый век собираешь, а разорить дом недолго. Как-то без него сын дела повел, как весна вскрылась, как скотина перезимовала, так ли избу выделали?” Дошел Ефим до того места, где он запрошлый год расстался с Елисеем. Народу и узнать нельзя. Где запрошлый год бедствовал народ, нынче все достаточно живут. Родилось хорошо в поле. Поправился народ, и прежнее горе забыли. Подходит вечерком Ефим к тому самому селу, где запрошлый год Елисей отстал. Только вошел в село, выскочила из-за хатки девочка в белой рубахе.

— Дід! дідко! до нас заходи.

Хотел Ефим пройти, да не пускает девочка, ухватила за полу, тащит к хате, а сама смеется.

Вышла на крыльцо и женщина с мальчиком, тоже манит:

— Заходи, мол, дедушка, поужинать — переночуешь. Зашел Ефим. “Кстати, — думает, — про Елисея спрошу: никак, в эту самую хатку он тогда и напиться заходил”.

Вошел Ефим, сняла с него женщина сумку, умыться подала, посадила за стол. Молока достала, вареников, каши — поставила на стол. Поблагодарил Тарасыч, похвалил людей за то, что они странников привечают. Покачала головой женщина.

— Нам, — говорит, — нельзя странников не привечать. Мы от странника жизнь узнали. Жили мы, Бога забыли, и наказал нас Бог так, что все только смерти ждали. Дошли летось до того, что все лежали — и есть нечего и больны. И помереть бы нам, да наслал нам Бог такого же, вот как ты, старичка. Зашел он среди дня напиться, да увидел нас, пожалел, да и остался с нами. И поил, и кормил, и на ноги поставил, и землю выкупил, и лошадь с телегой купил, у нас кинул.

Вошла в хату старуха, перебила речь женщины.

— И сами мы не знаем, — говорит, — человек ли был, или Ангел Божий. Всех-то любил, всех-то жалел, и ушел — не сказался, и молить за кого Бога — не знаем. Как теперь вижу: лежу я, смерти жду, смотрю — вошел старичок, немудрененький, так лысенький, воды напиться. Еще я подумала, грешная: что шлятся? А он вон что сделал! Как увидел нас, сейчас сумочку долой, вот на этом месте поставил, развязал.

Вступилась и девочка.

— Нет, — говорит, — бабушка, он прежде сюда посередь хаты поставил сумку, а потом на лавку убрал.

И стали они спорить и все его слова и дела поминать; и где он сидел, и где спал, и что делал, и что кому сказал.

На ночь приехал и мужик-хозяин на лошади, тоже стал про Елисея рассказывать, как он у них жил.

— Не приди он к нам, — говорит, — мы бы все в грехах померли. Помирали мы в отчаянии, на Бога и на людей роптали. А он нас и на ноги поставил, и через него мы и Бога узнали, и в добрых людей уверовали. Спаси его Христос! Прежде как скоты жили, он нас людьми сделал.

Накормили, напоили люди Ефима, положили спать и сами легли.

Лежит Ефим и не спит, и не выходит у него из головы Елисей, как он видел его в Иерусалиме три раза в переднем месте.

“Так вот он где, — думает, — опередил меня! Мои труды приняты, нет ли, а его-то принял Господь”.

Наутро распрощались люди с Ефимом, наклали ему пирожков на дорогу и пошли на работу, а Ефим — в путь-дорогу.

XII

Ровно год проходил Ефим. На весну вернулся домой. Пришел он домой к вечеру. Сына дома не было: в кабаке был. Пришел сын выпивши, стал его Ефим расспрашивать. По всему увидал, что замотался без него малый. Деньги все провел дурно, дела упустил. Стал его отец щунять. Стал сын грубиянить.

— Ты бы, — говорит, — сам поворочал, а то ты ушел ходить да еще деньги с собой унес все, а с меня спрашиваешь.

Рассерчал старик, побил сына.

Наутро вышел Ефим Тарасыч к старосте о сыне поговорить, идет мимо Елисеева двора. Стоит старуха Елисеева на крылечке, здоровается:

— Здорово, кум, — говорит, — здорово ли, касатик, сходил?

Остановился Ефим Тарасыч.

— Слава Богу, — говорит, — сходил; твоего старика потерял, да, слышу, он домой вернулся.

И заговорила старуха — охотница была покалякать.

— Вернулся, — говорит, — кормилец, давно вернулся; Вскоре после успенья, никак. Уж и рады же мы были, что его Бог принес! Скука нам без него. Работа уж от него какая, — года его ушли. А все голова, и нам веселей. Уж и парень-то как радовался! Без него, — говорит, — как без света в глазу. Скучно нам без него, желанный, любим мы его, уж как жалеем.

— Что ж, дома, что ль, он теперь?

— Дома, родной, на пчельнике, рои огребают. Хороша, — баит, — роевщина. Такую Бог дал силу пчеле, что старик и не запомнит. Не по грехам, — баит, — Бог дает. Заходи, желанный, уж как рад-то будет.

Пошел Ефим через сени, через двор на пчельник к Елисею. Вошел на пчельник, смотрит – стоит Елисей без сетки, без рукавиц, в кафтане сером под березкой, руки развел и глядит вверх, и лысина блестит во всю голову, как он в Иерусалиме у гроба Господня стоял, а над ним, как в Иерусалиме, сквозь березку, как жар горит, играет солнце, а вокруг головы золотые пчелки в венец свились, вьются, а не жалят его. Остановился Ефим.

Окликнула старуха Елисеева мужа.

– Кум, – говорит, – пришел!

Оглянулся Елисей, обрадовался, пошел куму навстречу, полегонечку пчел из бороды выбирает.

– Здорово, кум, здорово, милый человек... Хорошо сходил?

– Ноги сходили, и водицы тебе с Иордана-реки принес. Заходи, возьми, да принял ли Господь труды...

– Ну и слава Богу, спаси Христос.

Помолчал Ефим.

– Ногами был, да душой-то был ли, али другой кто...

– Божье дело, кум, Божье дело.

– Заходил тоже я на обратном в хату, где ты отстал...

Испугался Елисей, заторопился:

– Божье дело, кум, Божье дело. Что ж, заходи, что ли, в избу – медку принесу.

И замял Елисей речь, заговорил про домашнее. Воздохнул Ефим и не стал поминать Елисею про людей в хате и про то, что он видел его в Иерусалиме. И понял он, что на миру по смерти велел Бог отбывать каждому свой оброк – любовью и добрыми делами.